

В. И. Ленин (Ленин)

Том 10

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин

Полное собрание сочинений.

Том 10. Март ~ июнь 1905

«Public Domain»

Ленин В. И.

Полное собрание сочинений. Том 10. Март ~ июнь 1905 /
В. И. Ленин — «Public Domain», — (Полное собрание сочинений
в 55-ти томах)

Настоящий том содержит произведения, написанные В. И. Лениным в
марте – июне 1905 года, в условиях дальнейшего нарастания буржуазно-
демократической революции в России.

Содержание

Предисловие	6
1905 г.	13
Социал-демократия и временное революционное правительство{ 1 }	13
I	13
II	15
III	17
IV	19
Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства	22
Французско-русские обычаи «Подмазывать»!	29
Примечание редакции «Вперед» к резолюции группы рабочих Санкт-Петербургского металлического завода{ 15 }	30
С больной головы на здоровую[16]	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 10
Март ~ июнь 1905
Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению центрального комитета коммунистической партии советского союза

Предисловие

Настоящий том содержит произведения, написанные В. И. Лениным в марте – июне 1905 года, в условиях дальнейшего нарастания буржуазно-демократической революции в России.

Великая народная революция поставила перед российской социал-демократией «такие требования, каких ни разу еще и нигде не ставила история перед рабочей партией в эпоху демократического переворота», – писал Ленин (настоящий том, стр. 218). Перед партией встали задачи политического руководства рабочим классом во время революции, создания союза пролетариата и крестьянства, сплочения всех революционных сил для борьбы против самодержавия, организации всенародного вооруженного восстания.

Решение этих задач было связано с огромными трудностями. Партия переживала кризис, возникший в результате антипартийных, раскольнических действий меньшевиков. Меньшевики срывали решения II съезда РСДРП; захватив в свои руки центральные учреждения партии, они вели ожесточенную борьбу против большевиков, дезорганизовывали работу партийных организаций, подрывали единство действий рабочего класса; со страниц меньшевистской «Искры» велась разнузданная проповедь оппортунизма в организационных и тактических вопросах. Три главных вопроса, как указывал Ленин, необходимо было решить партии в этот период: выйти из партийного кризиса, пересмотреть организационные формы работы партии в связи с изменившимися условиями ее деятельности и наметить тактическую линию партии в революции.

Выход из кризиса Ленин видел в созыве III съезда РСДРП. Он считал, что только съезд сможет положить конец дезорганизаторской деятельности меньшевиков, сплотить ряды партии, определить стратегию и тактику партии. Ленин добивался быстрейшего созыва III съезда. Он вел усиленную подготовительную работу, особенно в марте и начале апреля 1905 года; писал статьи в газету «Вперед» и выступал в Женеве по вопросам подготовки съезда партии, готовил проекты резолюций съезда, посылал партийным комитетам в Россию письма о выдвижении делегатов на съезд. По его предложению на съезд были приглашены все, как большевистские, так и меньшевистские, комитеты; но меньшевики отказались принять участие в III съезде РСДРП и собрали в Женеве свою конференцию. Два съезда – две партии, – так охарактеризовал положение Ленин. Идея созыва съезда, выдвинутая Лениным, встретила горячую поддержку в местных партийных организациях. Из 28 комитетов 21 высказался за съезд. За большевиками шли основные партийные организации – Петербурга, Москвы, Тулы, Урала, Твери, Кавказа и другие.

III съезд РСДРП проходил в Лондоне с 12 по 27 апреля (с 25 апреля по 10 мая) 1905 года. На нем присутствовали 38 делегатов; 24 делегата с решающими голосами от 21 комитета. Были представлены все крупные организации партии. На первом заседании съезда Ленин был избран председателем съезда и руководил всей его работой. Им были написаны публикуемые в томе проекты основных резолюций. Он выступал с докладами об участии социал-демократии во временном революционном правительстве и о резолюции относительно поддержки крестьянского движения, выступал с речами о вооруженном восстании, об отношении к тактике правительства накануне переворота, об отношениях рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях, об уставе партии, по докладу ЦК и другим вопросам. В томе печатается 70 относящихся к съезду документов, из которых 43 – публикуются в Сочинениях В. И. Ленина впервые.

Резолюции съезда, написанные Лениным, его выступления на съезде, как и другие работы, вошедшие в том, ярко показывают творческий подход В. И. Ленина к учению марксизма, дальнейшее развитие и обогащение им революционной теории новыми выводами и положениями. В своих решениях съезд полностью встал на ленинскую позицию по вопросу о

характере, движущих силах и перспективах первой русской революции как буржуазно-демократической революции эпохи империализма.

На основе глубокого анализа закономерностей общественного развития, расстановки классовых сил, учета опыта революционного движения в России и других странах Ленин разработал стратегический план партии в революции. Этот план, принятый III съездом РСДРП, состоял в том, чтобы пролетариат в союзе с крестьянством, изолировав буржуазию, боролся за победу буржуазно-демократической революции, – за свержение самодержавия и установление демократической республики, за ликвидацию всех остатков крепостничества. Краеугольным камнем стратегического плана большевиков являлась ленинская идея гегемонии пролетариата в демократической революции – вывод о том, что «пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно-революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении в России» (стр. 118).

Линия большевиков на союз рабочего класса с крестьянством как важнейшее условие победы революции нашла свое конкретное выражение в ленинской резолюции об отношении к крестьянскому движению. В резолюции говорилось, что РСДРП ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель. Позиция партии относительно крестьянского движения была обоснована в статьях Ленина «Маркс об американском «черном переделе»» и «Аграрная программа либералов», а также в докладе по этому вопросу на съезде. В докладе на съезде Ленин указал, что положение о поддержке всех революционных мероприятий крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель явилось конкретизацией и развитием, на основе опыта революционного движения и учета требований крестьянства, аграрной программы партии, принятой II съездом РСДРП. III съезд РСДРП, по предложению Ленина, призвал к созданию революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований и указал на необходимость самостоятельной организации сельского пролетариата, сплочения его с городским пролетариатом под знаменем социал-демократической партии и проведения его представителей в крестьянские комитеты.

Ленин учил, что гегемония пролетариата в революции и установление союза рабочего класса с крестьянством предполагает изоляцию либеральной буржуазии от масс, высвобождение крестьянства из-под ее идейно-политического влияния. Опираясь на указания Ленина, III съезд партии принял резолюцию об отношении к либеральной буржуазии, в которой признал необходимым разоблачать ее контрреволюционность, не отказываясь использовать отдельные выступления либеральной буржуазии против царизма.

В соответствии со стратегическим планом Ленин разработал тактическую линию партии, которая также была одобрена съездом. В качестве главной и неотложной задачи партии и рабочего класса съезд выдвинул задачу организации вооруженного восстания. В резолюции съезда отмечалось, что необходимо выяснять пролетариату не только политическую, но и практически-организационную стороны восстания, роль массовых политических стачек в начале и самом ходе восстания, принимать энергичные меры к вооружению пролетариата, выработать план вооруженного восстания и непосредственно руководить им. Выступая на съезде по этому вопросу, Ленин подчеркнул, что нужно обратить внимание на практические задачи подготовки восстания и обобщить имеющийся опыт вооруженной борьбы.

Одним из основных вопросов тактической линии большевиков, которые рассматриваются в произведениях, вошедших в том, является вопрос о временном революционном правительстве и участии в нем социал-демократии. Этому вопросу посвящены статьи Ленина «Социал-демократия и временное революционное правительство», «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», проекты резолюций и доклад Ленина по

этому вопросу на III съезде партии и написанные им после съезда статья «О временном революционном правительстве» и заметки «Картина временного революционного правительства». Подготовительные материалы к этим статьям и выступлениям на съезде, публикуемые в томе, наглядно показывают, как глубоко изучал Ленин историческую, теоретическую и политическую сторону вопроса о временном революционном правительстве.

К вопросу о государственной власти, которая должна возникнуть в результате победы буржуазно-демократической революции в России, Ленин подошел с позиций творческого марксизма. В противовес меньшевикам, утверждавшим, что буржуазно-демократическая революция должна иметь своим результатом приход к власти буржуазии, Ленин указывал, что в результате свержения царизма должна быть установлена революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, политическим органом которой будет временное революционное правительство. Только при этом условии может быть обеспечена полная победа революции и ее дальнейшее развитие. Задачи временного революционного правительства состоят в том, чтобы подавить сопротивление контрреволюции, руководить всей жизнью страны до учредительного собрания, которое оно созовет, осуществить программу-минимум РСДРП, подготовить условия для перехода к социалистической революции.

Участие представителей социал-демократии во временном революционном правительстве вместе с революционной демократией Ленин считал не только возможным, но при благоприятных условиях и необходимым. Он подверг резкой критике меньшевиков, которые придерживались противоположной точки зрения, обвиняли большевиков в мильеранизме, утверждали, что социал-демократы поставят себя в ложное положение, если войдут в правительство, которое призвано решать буржуазно-демократические задачи. Ленин показал, что Мильеран вошел в реакционное буржуазное правительство и поддерживал его политику, направленную против рабочего класса, а участие социал-демократов в революционно-демократическом правительстве имеет своей целью обеспечить решительную борьбу с контрреволюцией, отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса и дальнейшее развитие революции. Позиция меньшевиков, писал Ленин, «это точка зрения не авангарда пролетариата, а хвоста его, это не политические руководители, а политические резонеры, это не революционеры, а филистеры» (стр. 30).

Опираясь на высказывания Маркса и Энгельса, Ленин обосновал условия, при которых социал-демократы могут принять участие в правительстве: во-первых, нужен строгий контроль партии за ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, во-вторых, нельзя ни на минуту упускать из виду цели социалистического переворота. При этом воздействие на правительство сверху, со стороны уполномоченных социал-демократии, должно сочетаться с давлением на это правительство снизу, со стороны народных масс. Революционное правительство должно опираться «на народные низы, на массу рабочего класса и крестьянства, – без этого оно не может держаться, без революционной самостоятельности народа оно есть нуль, хуже нуля» (стр. 342).

Положения Ленина о временном революционном правительстве и участии в нем социал-демократов явились новым словом в развитии революционной теории и обогатили тактический арсенал марксизма. Они имеют принципиальное значение и являются руководящими указаниями для коммунистических и рабочих партий, борющихся против реакционных сил, за демократию и национальную независимость народов.

Ленинские резолюции III съезда РСДРП были направлены на обеспечение полной победы буржуазно-демократической революции в России и ее перерастание в революцию социалистическую. Ленин указывал, что выполнение пролетариатом руководящей роли в демократической революции обеспечит за ним наиболее выгодные условия борьбы за социализм, что «демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплуатации, к великой социалистической цели» (стр. 344).

Идеи о гегемонии пролетариата, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую были всесторонне развиты и обоснованы Лениным в его книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», которая входит в следующий том.

Огромное значение имело принятие съездом нового устава партии и его резолюций по вопросам партийного строительства. Эти решения исходили из того, что роль гегемона в революции «пролетариат может сыграть лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой» (стр. 118). Съезд принял первый параграф устава партии в ленинской формулировке, отменив формулировку Мартова, что имело огромное значение в дальнейшей борьбе за укрепление партии нового типа. Вместо двух центров (ЦК и ЦО) съезд создал единый руководящий центр партии – Центральный Комитет. Более точно были разграничены права ЦК и местных комитетов. На съезде Ленин настоятельно требовал укреплять всеми силами связь партии с массами рабочего класса, он обращал внимание на необходимость введения рабочих социал-демократов в местные комитеты партии и в общепартийный центр.

Съезд осудил оппортунистические, меньшевистские взгляды по организационным и тактическим вопросам. В то же время, учитывая необходимость объединения сил пролетариата в революции, съезд признал допустимым участие в работе партийных организаций членов партии, особенно рабочих, примыкавших к меньшевикам, при условии, чтобы они подчинялись решениям съезда и уставу, подчинялись партийной дисциплине. По предложению Ленина съезд поручил ЦК распускать те меньшевистские организации, которые не будут подчиняться решениям III съезда партии.

III съезд РСДРП, как указывал Ленин, открыл собой новую полосу в истории российского социал-демократического движения. Это был первый большевистский съезд. В его решениях нашли свое воплощение ленинские организационные и тактические принципы. Съезд покончил с партийным кризисом, принял новый устав партии, определил стратегию и тактику партии в демократической революции.

В произведениях, написанных после съезда и вошедших в настоящий том, – «Извещении о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии», статьях «Третий съезд» и «Третий шаг назад», а также в докладах и рефератах, прочитанных в Женеве и Париже, – Ленин раскрывает значение III съезда РСДРП, разъясняет его решения, подвергает критике оппортунистические резолюции конференции меньшевиков.

III, большевистский съезд партии и конференция меньшевиков обсуждали одни и те же вопросы, но решения по ним приняты принципиально различные. Меньшевики плелись в хвосте либеральной буржуазии. Они отрицали гегемонию пролетариата и руководящую роль пролетарской партии в буржуазно-демократической революции, отвергали необходимость и возможность союза рабочего класса и крестьянства, выступали против организации вооруженного восстания и против участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Линия меньшевиков вела к поражению революции, к подчинению интересов пролетариата интересам буржуазии и являлась фактически предательством дела рабочего класса; «хвостизм» новоискровцев, писал Ленин, играет на руку только буржуазии. Решения конференции меньшевиков Ленин характеризовал как «настоящее возведение дезорганизации в принцип» и назвал конференцию «третьим шагом назад».

Огромное значение Ленин придавал ознакомлению западноевропейских рабочих с политической линией большевиков, с решениями III съезда РСДРП, он организовал выпуск «Извещения» о съезде и издание важнейших резолюций съезда на немецком и французском языках. Оппортунистические лидеры германской социал-демократии и II Интернационала во главе с Каутским выступили против решений III съезда РСДРП и опубликования их в западноевро-

пейской социалистической печати. Каутский извращал положение в РСДРП, брал под защиту меньшевиков и всячески порочил работу III съезда. В письме редакции ЦО РСДРП – газеты «Пролетарий» – в редакцию «Leipziger Volkszeitung», написанном Лениным, выражался решительный протест против этих действий Каутского, против попытки заглушить голос большевиков в немецкой социал-демократической печати.

После съезда Ленин продолжает разъяснять и обосновывать стратегический план и тактическую линию большевиков в революции. В статьях «Революционная борьба и либеральное маклерство», «Демократические задачи революционного пролетариата», «Первые шаги буржуазного предательства», «Борьба пролетариата и холопство буржуазии» и других Ленин в связи с конкретной политической ситуацией и задачами партии развивал положение о гегемонии пролетариата, о необходимости изоляции либеральной буржуазии. Он призывал использовать каждое выступление либералов, чтобы показать народу подлинное лицо буржуазного либерализма, ставшего с самого начала революции на путь соглашения с царизмом, разоблачал контрреволюционность русской либеральной буржуазии, ее сделки с царем за спиной народа и за счет народа.

Ленин сорвал маску фальшивого «демократизма» с конституционно-демократической партии (кадетов), показал ее классово-политическую сущность. «Название «к.-д. п.», – писал он, – придумано для того, чтобы скрыть *монархический* характер партии. В самом деле, кто же не знает, что вся эта партия, и в лице ее хозяйской части – земской фракции, и в лице «Союза освобождения», стоит за монархию?» (стр. 258–259). Ленин говорил, что в момент обострения борьбы между самодержавием и народом либеральная буржуазия искусно лавирует: с одной стороны, она заигрывает с революционным народом (подманивая его «демократизмом»), требуя уступок от самодержавия, а с другой стороны, опирается на самодержавие и выступает против «крайностей» революционного народа.

Ленин подчеркивал, что трудящиеся не должны ждать улучшения своего положения от либеральной буржуазии. «Судьба русской революции, – писал он, – зависит теперь от пролетариата. Только он может положить конец этому торгу. Только он может новым геройским усилием поднять массы, разъединить колеблющуюся армию, привлечь на свою сторону крестьянство и вооруженной рукой взять свободу для всего народа, раздавив без пощады врагов свободы и отбросив в сторону корыстных и шатких буржуазных звонарей свободы» (стр. 302–303).

Ленин учил партию, что необходимо использовать все формы борьбы и организации для политического просвещения и привлечения тех рабочих, которые не нашли еще своего места в революции, разъяснять им социал-демократическую точку зрения, доказывать необходимость самостоятельной партийной организации пролетариата. Этому вопросу Ленин посвятил статью «Новый революционный рабочий союз». Необходимо, указывал он, чрезвычайно осторожное, тактичное и товарищеское отношение к рабочим, которые всецело сочувствуют пролетарской борьбе и которых отделяет от нас недостаток у них социал-демократического мирозерцания, предрассудки против марксизма, переживание тех или иных устарелых взглядов. Отмечая, что нельзя отстраняться от таких несогласномыслящих рабочих, Ленин выдвигал важнейшее положение о борьбе за единство рабочего класса. «Мы должны помнить, – писал он, – что социал-демократия может быть сильна лишь единством широких масс пролетариата, а это единство создается, в силу раздробляющих, разъединяющих, отупляющих условий капитализма, не сразу, а лишь ценой упорного труда и громадного терпения» (стр. 289). Ленин поставил перед большевиками задачу – учиться осуществлять руководящее влияние революционной марксистской партии на всю массу пролетариата.

Опираясь на решения III съезда РСДРП, большевики развернули огромную политическую и организаторскую работу в пролетарских массах, сосредоточив основное внимание на политической и, особенно, организационно-технической подготовке всенародного вооружен-

ного восстания. В большевистской печати и в партийных организациях широко обсуждались военные вопросы. В газете «Пролетарий» по инициативе Ленина начали систематически публиковаться статьи и материалы по вопросам вооруженной борьбы пролетариата. Ленин требовал от членов партии настойчивого изучения военного дела. Он принимал энергичные меры по организации закупки и отправки оружия в Россию.

В листовках «Первое мая» (вышла в свет до съезда) и «Три конституции или три порядка государственного устройства» Ленин в простой и доступной для масс форме разъяснял задачи пролетариата и крестьянства в революции, призывал к борьбе за свержение самодержавия, за демократическую республику.

Революционные события, развернувшиеся по всей стране весной и летом 1905 года, подтвердили правильность решений III съезда РСДРП. Под влиянием агитации и пропаганды большевиков стачечная борьба рабочих приобретала все более наступательный характер и отличалась большой организованностью. Особенной остроты революционные бои достигли в таких крупных промышленных центрах, как Иваново-Вознесенск, Одесса, Лодзь, Харьков, Екатеринослав, Нижний Новгород. В Иваново-Вознесенске забастовка, начавшаяся в мае, длилась 72 дня. Борьбу текстильщиков возглавили созданный большевиками Северный комитет РСДРП и его иваново-вознесенская группа. Для руководства стачкой был избран Совет рабочих уполномоченных (депутатов), превратившийся в ходе революционных боев в один из первых Советов рабочих депутатов, которые, по определению Ленина, являлись органами восстания и зачатками новой, революционной власти.

Массовая политическая стачка в Лодзи переросла в вооруженное восстание. Три дня на улицах города происходили настоящие сражения рабочих с царскими войсками. Лодзинские рабочие, писал Ленин, показали «не только новый образец революционного энтузиазма и героизма, но и высшие формы борьбы» (стр. 310–311). В знак протеста против расстрела рабочих в Лодзи рабочие Варшавы объявили всеобщую стачку. Стачками были охвачены Тифлис, Баку, Батум и другие города.

Своей революционной борьбой, наступательными действиями пролетариат показал пример крестьянству. Крестьянское движение развернулось в Орловской, Курской и Воронежской губерниях, в Поволжье, Прибалтике, Польше, на Украине, в Грузии. Выполняя решения III съезда партии, большевики усилили работу в деревне.

Подъем революционного движения в стране затронул и царскую армию, началась полоса военных восстаний. Первыми восстали матросы на броненосце «Князь Потемкин Таврический». По инициативе Ленина Центральный Комитет направил в Одессу М. И. Васильева-Южина для установления связи с социал-демократической организацией, руководившей восстанием в Черноморском флоте и на броненосце. В. И. Ленин поручил Васильеву-Южину убедить матросов действовать решительно и быстро, захватить город, вооружить рабочих, заручиться активной поддержкой крестьян и захватить в свои руки остальной флот. Выполнить это поручение Васильеву-Южину не удалось, – когда он приехал в Одессу, «Потемкин» уже покинул порт. Потемкинцы не сумели поднять восстание во всем флоте и объединить свои действия с рабочими Одессы. Большевистский комитет города был ослаблен арестами, действовал неуверенно, а меньшевики и не думали организовывать рабочих Одессы на поддержку восстания во флоте.

Восстание «Потемкина» так напугало царское правительство, что оно обратилось к европейским державам за помощью для подавления революции. В статье «Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана» Ленин назвал верхом позора для царизма его обращение к правительствам Румынии и Турции с просьбой «о *полицейской помощи* против восставших матросов». От имени ЦК РСДРП Ленин написал в Международное социалистическое бюро письмо, публикуемое в томе, в котором просил выпустить воззвание к рабочим всех стран с призывом не допустить подавления революции в России.

Восстание на броненосце «Потемкин» произвело огромное впечатление и в России и во всем мире. Несмотря на то, что восстание не увенчалось успехом, Ленин придавал ему огромное значение. В связи с этими событиями он написал очень важную статью «Революционная армия и революционное правительство».

Ленин указывал, что восстание в Одессе и переход на сторону революции части армии – броненосца «Потемкина» – ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия. Впервые в истории крупная часть военной силы царизма, целый броненосец, перешла открыто на сторону восстания. Перед нами, писал Ленин, налицо знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии.

Развивая марксистское учение о революции, Ленин на основании обобщения опыта революционного движения в России сделал важнейший вывод, что для победы революции необходимо создание революционной армии. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против военной силы самодержавия и помогающих ему капиталистических государств. Но революционная армия необходима не только для свержения старой власти, самодержавия, она нужна и как опора новой власти, – революционного правительства.

Ленин призывал большевиков поддержать всеми силами попытки образования революционной армии, разъяснять самым широким массам пролетариата и крестьянства значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии объединить силы, которые раздавили бы самодержавие.

Война против угнетателей и поработителей народа, писал Ленин, есть справедливая, законная война трудящихся в капиталистическом обществе. «Пролетариат начал в России эту великую освободительную войну, он сумеет продолжать ее, образуя сам отряды революционной армии, подкрепляя отряды перешедших к нам солдат или матросов, привлекая крестьян, наполняя новых, формирующихся и закаляющихся в огне гражданской войны *граждан* России героизмом и энтузиазмом борцов за свободу и счастье всего человечества» (стр. 341).

В своих статьях Ленин не раз подчеркивал, что свержение царского самодержавия облегчит борьбу пролетариата всех стран против капитализма, что революция в России явится прологом, сигналом социалистического переворота на Западе.

В раздел «Подготовительные материалы» входят 24 документа – планы, заметки и наброски статей и устных выступлений Ленина. В Сочинения В. И. Ленина эти документы, кроме «Плана первомайской листовки», включаются впервые. Большая часть их относится к материалам III съезда РСДРП, особенно к вопросу, о временном революционном правительстве.

Большой интерес представляют план доклада о III съезде РСДРП, заметки «Очерк партийного раскола», в которых указываются основные этапы внутрипартийной борьбы, начиная с 1900 года по III съезд включительно. Заканчивается том «Проектом листка»; в проекте листка Ленин формулирует лозунги и цели революционного правительства, представляющие, как он подчеркивает, основу «народной формы правления».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1905 г.

Социал-демократия и временное революционное правительство^[1]

*Напечатано 5 и 12 апреля (23 и 30 марта) 1905 г. в газете «Вперед» №№ 13 и 14
Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью*

I

Всего пять лет тому назад лозунг «долой самодержавие!» казался многим представителям социал-демократии преждевременным, непонятным для рабочей массы. Эти представители справедливо были относимы к оппортунистам. Им разъясняли и разъяснили, что они отстают от движения, что они не понимают задач партии, как передового отряда класса, как его руководителя и организатора, как представителя движения в целом, его коренных и главных целей. Эти цели временно могут заслоняться повседневной будничной работой, но никогда не должны терять значения путеводной звезды для борющегося пролетариата.

И вот настало время, когда революционное пламя охватило всю страну, когда в неизбежность ниспровержения самодержавия в ближайшем будущем уверовали самые неверующие. А социал-демократии, точно по какой-то иронии истории, приходится еще раз иметь дело с такими же реакционными, оппортунистическими попытками оттащить назад движение, принизить его задачи, затемнить его лозунги. Полемика с представителями таких попыток становится задачей дня, приобретает (вопреки мнению многих и многих, недолюбливающих полемики внутри партии) громадное *практическое* значение. Ведь чем ближе подходим мы к непосредственному осуществлению наших ближайших политических задач, тем больше необходимость совершенно ясно понимать эти задачи, тем вреднее всякие двусмысленности, недомолвки или недомыслия в этом вопросе.

А недомыслия весьма немало среди социал-демократов новоискровского или (что почти то же) рабочедельского лагеря^[2]. Долой самодержавие! – с этим все согласны, не только все социал-демократы, но и все демократы, даже все либералы, если верить их теперешним заявлениям. Но что это значит? Как именно должно произойти это низвержение теперешнего правительства? Кто должен созвать то учредительное собрание, которое теперь готовы выставить, – с признанием всеобщего и т. д. избирательного права – своим лозунгом и освобожденцы (см. № 67 «Освобождения»^[3])? В чем именно должно состоять действительное обеспечение свободных и выражающих интересы всего народа выборов в такое собрание?

Кто не дает себе ясного и точного ответа на эти вопросы, тот не понимает лозунга: долой самодержавие! А эти вопросы неизбежно подводят нас к вопросу о временном революционном правительстве; не трудно понять, что при самодержавии действительно свободные всенародные выборы в учредительное собрание с полным обеспечением действительно всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов не только невероятны, но прямо невозможны. И если мы не зря выдвигаем практическое требование немедленного низвержения самодержавного правительства, то мы должны же выяснить себе, *каким именно другим правительством* хотим мы заменить правительство низвергаемое, или иначе сказать: как мы смотрим на отношение социал-демократии к временному революционному правительству?

По этому вопросу оппортунисты современной социал-демократии, т. е. новоискровцы, так же усиленно тащат партию назад, как пять лет назад рабочедельцы по вопросу о политиче-

ской борьбе вообще. Их реакционные взгляды по этому пункту всего цельнее развиты в брошюре Мартынова «Две диктатуры», которую специальной заметкой одобрила и рекомендовала «Искра»^[4] (№ 84) и на которую мы не раз уже обращали внимание наших читателей.

В самом начале своей брошюры Мартынов пугает нас такой страшной перспективой: если бы крепкая организация революционной социал-демократии могла «назначить и провести всенародное вооруженное восстание» против самодержавия, о чем мечтал Ленин, то «не очевидно ли, что всенародная воля назначила бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-либо другой, вручил бы ближайшую судьбу революции?»

Это невероятно, но это факт. Будущий историк русской социал-демократии с удивлением должен будет констатировать, что в самом начале русской революции жирондисты социал-демократии *пугали* революционный пролетариат подобной перспективой! Все содержание брошюры Мартынова (и целого ряда статей и отдельных мест в статьях новой «Искры») сводится к размалевыванию «ужасов» этой перспективы. Идеиному вождю новоискровцев чудится тут «захват власти», мерещится пугало «якобинства», бакунизма, ткачевизма^[5] и прочих страшных измов, которыми так охотно пугают политических младенцев разные революционные нянюшки¹. И, разумеется, не обходится при этом без «цитат» из Маркса и Энгельса. Бедные Маркс и Энгельс, как только не злоупотребляли цитатами из их произведений! Вы помните: на ту истину, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая»^[6], ссылались *для оправдания* узости и отсталости *наших* политических задач и способов политической агитации и борьбы? Теперь лжесвидетелем в пользу хвостизма выводится Энгельс. Он писал в «Крестьянской войне в Германии»: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство»^[7]. Достаточно внимательно прочесть это начало длинной цитаты, приводимой Мартыновым, чтобы убедиться, как искажает мысль автора наш хвостист. Энгельс говорит о *власти, обеспечивающей господство класса*. Неужели это не ясно? По отношению к пролетариату это, следовательно, *власть, обеспечивающая господство пролетариата*, т. е. диктатура пролетариата для совершения социалистического переворота. Мартынов не понимает этого, смешивая временное революционное правительство в эпоху свержения самодержавия с обеспеченным господством пролетариата в эпоху свержения буржуазии, смешивая демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с социалистической диктатурой рабочего класса. А между тем, из продолжения цитаты Энгельса, мысль его становится еще более ясной. Вождь крайней партии – говорит он – должен будет «отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса *фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными*. Кто раз попал в это *ложное положение*, тот погиб безвозвратно»^[8].

Подчеркнутые места ясно показывают, что Энгельс предостерегает именно от того ложного положения, которое является результатом непонимания вождем действительных интересов «своего» класса и действительного классового содержания переворота. Для наглядности попробуем разжевать это нашему глубокомысленному Мартынову на простом примере. Когда народовольцы, думая представлять интересы «труда», уверяли себя и других, что 90 проц. крестьян в будущем русском учредительном собрании будут социалистами, они попадали этим в ложное положение, неминуемо долженствующее привести к их безвозвратной политической гибели, ибо эти «обещания и уверения» не соответствовали объективной действительности. На деле они проводили бы интересы буржуазной демократии, «интересы другого класса». Не

¹ В рукописи: «... которыми так охотно пугают политических младенцев присосеживающиеся к революции старые бабы». Ред.

начинаете ли вы понимать кое-что, почтеннейший Мартынов? Когда социалисты-революционеры^[9] изображают неизбежно предстоящие России аграрные преобразования, как «социализацию», как «передачу земли народу», как начало «уравнительного пользования», они ставят себя в ложное положение, неминуемо долженствующее привести их к безвозвратной политической гибели, ибо на деле как раз те преобразования, которых они добиваются, обеспечат господство *другого класса*, крестьянской буржуазии, так что их фразы, обещания и уверения будут тем скорее опровергнуты действительностью, чем быстрее пойдет развитие революции. Вы все еще не понимаете, в чем дело, почтеннейший Мартынов? Вы все еще не понимаете, что *суть* мысли Энгельса состоит в указании на гибельность *непонимания* действительных исторических задач переворота, что слова Энгельса применимы, следовательно, к народолюбцам и «социалистам-революционерам»?

II

Энгельс указывает на опасность непонимания вождями пролетариата *непролетарского* характера переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы вожди пролетариата, отгородившие себя и программой и тактикой (т. е. всей пропагандой и агитацией) и организацией от революционной демократии, играли руководящую роль в создании демократической республики. Энгельс видит опасность в смешении вождем мнимосоциалистического и реальнодемократического содержания переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы пролетариат вместе с крестьянством брал на себя сознательно диктатуру в проведении демократической республики, как последней формы буржуазного господства и как наилучшей формы для классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Энгельс видит опасность в фальшивом, ложном положении, когда говорят одно, а делают другое, когда обещают господство одного класса, а обеспечивают на деле господство другого класса; Энгельс в этой фальши видит неизбежность безвозвратной политической гибели, а умный Мартынов выводит отсюда опасность гибели вследствие того, что буржуазные сторонники демократии не дадут пролетариату и крестьянству обеспечить действительно демократической республики. Умный Мартынов никак не в силах понять, что *такая* гибель, гибель вождя пролетариата, гибель тысяч пролетариев в борьбе за действительно демократическую республику, будучи физической гибелью, не только не есть политическая гибель, а, напротив, есть величайшее политическое завоевание пролетариата, величайшее осуществление им его гегемонии в борьбе за свободу. Энгельс говорит о политической гибели того, кто бессознательно сбивается с своей классовой дороги на чужую классовую дорогу, а умный Мартынов, благоговейно цитируя Энгельса, говорит о гибели того, кто пойдет дальше и дальше по верной классовой дороге.

Различие точек зрения революционной социал-демократии и хвостизма выступает тут со всей очевидностью. Мартынов и новая «Искра» пятаются от лежащей на пролетариат вместе с крестьянством задачи самого радикального демократического переворота, пятаются от социал-демократического руководства этим переворотом, отдавая таким образом хотя бы и бессознательно интересы пролетариата в руки буржуазной демократии. Из той справедливой мысли Маркса, что мы должны готовить не правительственную, а оппозиционную партию *будущего*, Мартынов делает вывод, что мы должны учинять хвостистскую оппозицию *настоящей* революции. К этому сводится его политическая мудрость. Вот его рассуждение, над которым мы очень рекомендовали бы читателю подумать:

«Пролетариат не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, пока он не сделает социалистической революции. Это – то неоспоримое положение, которое отделяет нас от оппортунистического жоресизма...» (Мартынов, с. 58), – и которое, добавим мы от себя, неоспоримо доказывает неспособность почтенного Мартынова понимать, что к чему. Смешивать участие пролетариата во власти, сопротивляющейся социалистическому

перевороту, с участием пролетариата в демократической революции, значит безнадежно не понимать, о чем идет дело. Это все равно, что смешать участие Мильерана в министерстве убийцы Галифе с участием Варлена в Коммуне, отстаивавшей и отстаивавшей республику.

Но слушайте дальше, чтобы видеть, как путается наш автор: «... Но если так, то очевидно, что предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм *против воли всей* (курсив Мартынова) буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня...» Во-первых, почему здесь говорится только о политических формах, тогда как в предыдущей фразе речь шла о власти пролетариата вообще, вплоть до социалистической революции? почему автор не говорит о реализации экономических форм? Потому, что он незаметно для самого себя перескочил уже с социалистического переворота на демократический. Если же так (это во-вторых), то совершенно ошибочно автор говорит *tout court* (просто-напросто) о «воле всей буржуазии», потому что эпоха демократического переворота отличается как раз различием воли разных слоев буржуазии, только избавляющейся от абсолютизма. Говорить о демократическом перевороте и ограничиваться простым и голым противопоставлением пролетариата и буржуазии есть чистая несообразность², ибо *этот* переворот знаменует именно тот период развития общества, когда масса его стоит собственно между пролетариатом и буржуазией, составляет из себя обширнейший мелкобуржуазный, крестьянский слой. У этого гигантского слоя, именно потому, что демократический переворот еще не совершен, гораздо больше общих интересов с пролетариатом в деле реализации политических форм, чем у «буржуазии» в настоящем и узком значении этого слова. В непонимании этой простой вещи один из главных источников мартыновской путаницы.

Дальше: «... Если так, то путем простого устрашения большинства буржуазных элементов революционная борьба пролетариата может привести только к одному, – к восстановлению абсолютизма в его первоначальном виде, – и пролетариат, конечно, перед этим возможным результатом не остановится, он не откажется от устрашения буржуазии на худой конец, если дело будет клониться решительно к тому, чтобы мнимой конституционной уступкой оживить и укрепить разлагающуюся самодержавную власть. Но, выступая на борьбу, пролетариат, само собою разумеется, имеет в виду не этот худой конец».

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Пролетариат не остановится перед устрашением, ведущим к восстановлению абсолютизма, в случае, если будет грозить мнимоконституционная уступка! Это все равно, как если бы я сказал: мне грозит египетская казнь в виде однодневного разговора с одним Мартыновым; поэтому на худой конец я прибегаю к устрашению, которое может привести только к двухдневному разговору с Мартыновым и Мартовым. Ведь это просто сапоги всмятку, почтеннейший!

Мысль, которая мерещилась Мартынову, когда он писал воспроизведенную нами бессмыслицу, состоит в следующем: если в эпоху демократического переворота пролетариат станет устрашать буржуазию социалистической революцией, то это поведет только к реакции, ослабляющей и демократические завоевания. Только и всего. Ни о восстановлении абсолютизма в первоначальном виде, ни о готовности пролетариата на худой конец прибегать к худой глупости не может быть, понятно, и речи. Все дело сводится опять-таки к тому различию между демократическим и социалистическим переворотом, которое Мартынов забывает, к существованию того гигантского крестьянского и мелкобуржуазного населения, которое демократический переворот поддержать способно, а социалистический в данную минуту не способно.

Послушаем нашего умного Мартынова еще: «... Очевидно, борьба между пролетариатом и буржуазией накануне буржуазной революции должна в некоторых отношениях отличаться от этой же борьбы в ее заключительной стадии, накануне социалистической революции...». Да,

² В рукописи вместо «чистая несообразность» – «величайшая глупость». *Ред.*

это очевидно, и если бы Мартынов подумал, в чем именно состоит это отличие, то он вряд ли написал бы предшествующую галиматью да и всю свою брошюру.

«... Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед с народом».

Эта тирада – центральный пункт брошюры Мартынова. Тут вся ее соль, все ее основные «идеи». И чем же оказываются эти умные идеи? Посмотрите: что такое эти «низы» общества, этот «народ», о котором, наконец, вспомнил наш мудрец? Это именно тот многомиллионный мелкобуржуазный городской и крестьянский слой, который вполне способен выступить революционным демократом. А что такое это *давление* пролетариата плюс крестьянства на верхи общества, что такое это движение пролетариата вместе с народом вперед вопреки верхам общества? Это и есть *та революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*, против которой ратует наш хвостист! Он боится только додумать до конца, боится назвать вещи их настоящим именем. Он говорит поэтому слова, значения которых не понимает, он робко повторяет, с смешными и неумными выкрутасами³, лозунги, настоящий смысл которых от него ускользает. Только с хвостистом и возможен поэтому такой курьез в самой «интересной» части его заключительных выводов: революционное давление и пролетариата и «народа» на верхи общества, но без революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, – до этого мог договориться только Мартынов! Мартынов хочет, чтобы пролетариат грозил верхам общества, что он с народом пойдет вперед, но чтобы в то же время пролетариат твердо решил с своими новоискровскими вождями *не идти вперед* по демократическому пути, ибо это есть путь революционно-демократической диктатуры. Мартынов хочет, чтобы пролетариат оказывал давление на волю верхов обнаружением своего безволия. Мартынов хочет, чтобы пролетариат побуждал верхи «согласиться» довести буржуазную революцию до ее логического демократическо-республиканского конца, побуждал тем, что выражал свою собственную боязнь *взять на себя* вместе с народом это доведение революции до конца, взять на себя власть и демократическую диктатуру. Мартынов хочет, чтобы пролетариат был авангардом в демократическом перевороте, и *поэтому* умный Мартынов *пугает* пролетариат перспективой участия во временном революционном правительстве в случае успеха восстания!

Дальше некуда идти в реакционном хвостизме. Мартынову, как святому человеку, надо земно поклониться за то, что он довел до конца хвостистские тенденции новой «Искры» и выразил их рельефно и систематически по самому злободневному и коренному политическому вопросу⁴^{156}.

III

В чем источник мартыновской путаницы? В смешении демократического и социалистического переворотам забвении роли промежуточного, между «буржуазией» и «пролетариатом» стоящего народного слоя (мелкобуржуазная масса городской и деревенской бедноты, «полупролетарии», полухозяйчики), в непонимании истинного значения нашей программы-мини-

---

³ Мы уже отмечали нелепость мысли, чтобы пролетариат хотя на худой из худых концов мог толкать буржуазию назад.

⁴ Статья была уже набрана, когда мы получили № 93 «Искры», к которому нам еще придется вернуться^{156}.

^{156} № 93 меньшевистской «Искры» вышел 17 марта 1905 года. В нем помещена статья Л. Мартова «На очереди. Рабочая партия и «захват власти», как наша ближайшая задача». Эту статью Ленин критикует в работе «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» и в докладе на III съезде РСДРП об участии социал-демократии во временном революционном правительстве (см. настоящий том, стр. 20–31, 126–141).

мум. Мартынов слышал, что социалисту неприлично участвовать в буржуазном министерстве (когда пролетариат борется за социалистический переворот) и поспешил «понять» это так, что не следует участвовать вместе с революционной буржуазной демократией в революционно-демократическом перевороте и в той диктатуре, которая необходима для полного осуществления такого переворота. Мартынов читал нашу программу-минимум, но не заметил, что строгое выделение в ней преобразований, осуществимых на почве буржуазного общества, в отличие от социалистических преобразований, имеет не книжное только значение, а самое жизненное, практическое⁵; он не заметил, что в революционный период она подлежит немедленной проверке и применению на деле. Мартынов не подумал, что отказ от идеи революционно-демократической диктатуры в эпоху падения самодержавия равносителен отказу от осуществления нашей программы-минимум. В самом деле, вспомните только все экономические и политические преобразования, выставленные в этой программе, требования республики, народного вооружения, отделения церкви от государства, полных демократических свобод, решительных экономических реформ. Разве не ясно, что проведение этих преобразований на почве буржуазного строя немыслимо без революционно-демократической диктатуры низших классов? Разве не ясно, что речь идет тут именно не об одном пролетариате в отличие от «буржуазии»⁶, а о «низших классах», которые являются активными двигателями всякого демократического переворота? Эти классы – пролетариат *плюс* десятки миллионов городской и деревенской бедноты, живущей в условиях мелкобуржуазного существования. Принадлежность к буржуазии весьма многих представителей этой массы несомненна. Но еще более несомненно, что в интересах этой массы лежит полное осуществление демократизма и что чем просвещеннее эта масса, тем неизбежнее ее борьба за это полное осуществление. Социал-демократ никогда не забудет, конечно, о двойственной политико-экономической натуре мелкобуржуазной городской и сельской массы, он никогда не забудет о необходимости отдельной и самостоятельной классовой организации борющегося за социализм пролетариата. Но он не забудет также, что у этой массы есть «кроме прошлого будущее, кроме предрассудков рассудок»^[10], толкающий ее вперед, к революционно-демократической диктатуре; он не забудет, что просвещение дается не одной книжкой, и даже не столько книжкой, сколько самим ходом революции, раскрывающей глаза, дающей политическую школу. При таких условиях теория, отказывающаяся от идеи революционно-демократической диктатуры, не может быть названа иначе, как философским оправданием политической отсталости⁷.

Революционный социал-демократ с презрением отбросит от себя подобную теорию. Накануне революции он будет не только указывать «худой конец» ее⁸. Нет, он будет также указывать на возможность лучшего конца. Он будет мечтать, – он обязан мечтать, если он не безнадешный филистер, – о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся, – благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, – осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предрержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся, – тогда... тогда революцион-

⁵ В рукописи: «... в отличие от социалистических преобразований, имеет не книжное только, не догматическое значение, которое охотно придают ей марксистские начетчики, а самое жизненное, практическое...». *Ред.*

⁶ В рукописи после слов «от буржуазии» следует: «(как рассуждает начетчик, применяющий не к месту вполне законченные и чистые категории буржуазного строя, накануне его краха)». *Ред.*

⁷ В рукописи: «... философским рассмотрением «задней» русского пролетариата». *Ред.*

⁸ В рукописи после слова «ее» следует: «(и никогда уже не будет усматривать этот худой конец в виде невозможного и немыслимого «восстановления абсолютизма в его первоначальном виде»)». *Ред.*

ный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков».

IV

Филистерам новой «Искры» и ее «властителю дум», нашему доброму начетчику Мартынову, чужды и странны, разумеется, такие мечты. Они боятся полного осуществления нашей программы-минимум путем революционной диктатуры простого и черного народа. Они боятся за свою собственную сознательность, боятся потерять указку по вызубренной (но не продуманной) книжке, боятся оказаться не в состоянии отличить правильные и смелые шаги демократических преобразований от авантюристских прыжков неклассового, народнического социализма или анархизма. Их филистерская душа справедливо подсказывает им, что при быстром ходе вперед труднее отличить верный путь и быстро решать сложные и новые вопросы, чем при рутине будничной, мелкой работы; поэтому они инстинктивно шепчут: чур меня, чур меня! да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры! как бы не погибнуть! господа! вы уже лучше «медленным шагом, робким зигзагом»!..

Неудивительно, что Парвусу, который так великодушно поддерживал новоискровцев, пока дело шло преимущественно о кооптации старейших и заслуженных, тяжело стало в конце концов в подобном болотном обществе. Неудивительно, что он стал испытывать в нем все чаще *taedium vitae*, тошноту жизни. И он, наконец, взбунтовался. Он не ограничился защитой смертельно перепугавшего новую «Искру» лозунга «организовать революцию», не ограничился воззваниями, которые «Искра» отпечатала отдельными листками, спрятав даже по случаю «якобинских» ужасов упоминание о социал-демократической рабочей партии⁹. Нет. Освободившись от кошмара премудрой аксельродовской (или люксембургской?) теории организации-процесса, Парвус сумел, наконец, пойти вперед, вместо того, чтобы пятиться, подобно раку, назад. Он не захотел делать «Сизифову работу»^[11] бесконечных поправок к мартыновским и мартовским глупостям. Он выступил прямо (к сожалению, вместе с Троцким) с защитой идеи революционно-демократической диктатуры¹⁰, идеи об обязанности социал-демократии принять участие во временном революционном правительстве после низвержения самодержавия. Тысячу раз прав Парвус, когда он говорит, что социал-демократия не должна бояться смелых шагов вперед, не должна опасаться нанесения совместных «ударов» врагу рука об руку с революционной буржуазной демократией, при обязательном (очень кстати напоминаемом) условии не смешивать организации; врозь идти, вместе бить; не скрывать разнородности интересов; следить за своим союзником, как за своим врагом, и т. д.

Но чем горячее наше сочувствие всем этим лозунгам отвернувшегося от хвостистов революционного социал-демократа¹¹, тем неприятнее поразили нас некоторые неверные ноты, взя-

---

⁹ Не знаю, заметили ли наши читатели характерный фант: среди кучи хлама, издаваемого новой «Искрой» в виде листов, были хорошие листки, подписанные Парвусом. Редакция «Искры» отвернулась именно от этих листов, не пожелав упомянуть ни о нашей партии, ни о своем издательстве.

¹⁰ В рукописи: «Он выступил прямо (к сожалению, вместе с пустозвоном Троцким в предисловии к его пустозвонной брошюре «До 9 января») с защитой идеи революционно-демократической диктатуры...». *Ред.*

¹¹ В рукописи имеется подстрочное примечание: «О брошюре Троцкого с предисловием Парвуса, изданной в типографии партии, «Искра» по существу поднятого вопроса хранит скромненько молчание. Ей, разумеется, не выгодно распутывать путаницу: Мартынов в лес, Парвус по дрова, а мы помолчим, пока Плеханов вытащит за уши Мартова! Это называется у нас «идейным руководством партии»! Кстати, один «формалистический» курьез. Наши Соломоны в Совете постановили,

тые Парвусом. И не из придирчивости отмечаем мы эти маленькие неверности, а потому что кому много дано, с того много и спросится. Всего опаснее было бы теперь, если бы верная позиция Парвуса была скомпрометирована его собственной неосмотрительностью. Именно к числу по меньшей мере неосмотрительных фраз в разбираемом предисловии Парвуса к брошюре Троцкого относятся следующие: «Если мы хотим обособить революционный пролетариат от других политических течений, то мы должны уметь стоять идейно во главе революционного движения» (это верно), «быть революционнее всех». Это неверно. То есть, это неверно, если взять это положение в том общем смысле, который придан ему фразой Парвуса, это неверно с точки зрения читателя, который берет это предисловие как нечто самодовлеющее, независимо от Мартынова и новоискровцев, не упоминаемых Парвусом. Если взглянуть на это положение диалектически, т. е. относительно, конкретно, всесторонне, не подражая тем литературным наездникам, которые даже много лет спустя выхватывают из цельного произведения отдельные фразы и извращают их смысл, – тогда ясно будет, что это направлено Парвусом именно против хвостизма и, *постольку* это справедливо (сравни особенно последующие слова Парвуса: «если мы *отстанем* от революционного развития» и т. д.). Но читатель не может же иметь в виду одних хвостистов, и среди опасных друзей революции из лагеря революционеров кроме хвостистов есть еще совсем другие люди, есть «социалисты-революционеры», есть люди, вовлекаемые потоком событий, беспомощные перед революционной фразой, как Надеждины, или такие, у которых инстинкт заменяет революционное мирозерцание (вроде Гапона). Об них позабыл Парвус, и позабыл потому, что его изложение, развитие его мысли шло не свободно, а связанное приятным воспоминанием о той мартыновщине, от которой он старается предостеречь читателя. Изложение Парвуса недостаточно конкретно, ибо он не считается со всей той совокупностью различных, имеющих в России, революционных течений, которые неизбежны в эпоху демократического переворота и естественно отражают классовую нерасчлененность общества в такую эпоху. Неясные, иногда даже реакционные социалистические мысли совершенно естественно облекают в такое время революционно-демократические программы, прячась за революционную фразу (вспомните социалистов-революционеров и Надеждина, который, кажется, изменил только званье, перешедши от «революционеров-социалистов» к новой «Искре»). А при подобных условиях мы, социал-демократы, никогда не можем и не станем ставить лозунга: «быть революционнее всех». За революционностью оторванного от классовой почвы демократа, щеголяющего фразой, падкого на ходкие и дешевые (особенно в аграрной области) лозунги, мы и не подумаем угоняться; мы, напротив того, всегда будем относиться к ней критически, разоблачать действительное значение слов, действительное содержание идеализируемых великих событий, уча трезвому учету классов и оттенков внутри классов в самые горячие моменты революции.

Точно так же неверны, и по той же причине, положения Парвуса, что «революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством». Этого *не может быть*, если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролета-

---

что заголовок партии допустим лишь на брошюрах, изданных по поручению партийных организаций. Интересно бы узнать у Соломонов, какая организация поручила издавать брошюры Надеждина, Троцкого и других? Или правы были те, кто объявил вышеназванное «постановление» дрянной кружковой выходкой против издательства Ленина?». *Ред.*

риев, полухозяйчиков, т. е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии. Если пустозвон Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что «свящ. Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он пустозвон. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789–1793, а не 1848–1850-ые годы, и превзойти их, она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их, – это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство, но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных «самобытных», народных и даже мужицких вожаков не может быть и речи. Они не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает, повторяем, со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому, что объективная логика исторического развития ставит перед ними в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота. И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отменяя от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную XX века арену борьбы за социализм.

Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства

Вопрос об участии социал-демократии во временном революционном правительстве выдвинут на очередь не столько ходом событий, сколько теоретическими рассуждениями социал-демократов одного направления. В двух фельетонах (№№ 13 и 14) мы разобрали рассуждения Мартынова¹², впервые выдвинувшего этот вопрос. Оказывается, однако, что интерес к нему так велик, а недоразумения, порождаемые указанными рассуждениями (смотри особенно № 93 «Искры»), так громадны, что необходимо еще раз остановиться на этом вопросе. Как бы ни оценивали социал-демократы вероятность того, что нам придется в недалеком будущем не только теоретически решать этот вопрос, во всяком случае ясность ближайших целей необходима для партии. Без ясного ответа на этот вопрос невозможна уже теперь выдержанная, чуждая шатаний или недомолвок, пропаганда и агитация.

Попытаемся восстановить сущность спорного вопроса. Если мы хотим не только уступок от самодержавия, а настоящего низвержения его, то мы должны добиваться замены царского правительства временным революционным правительством, которое, с одной стороны, созвало бы учредительное собрание на основании действительно всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов и которое, с другой стороны, было бы в состоянии на деле провести полную свободу на время выборов. И вот спрашивается, позволительно ли социал-демократической рабочей партии участвовать в таком временном революционном правительстве? Вопрос этот поставили впервые представители оппортунистического крыла нашей партии, именно Мартынов, еще до 9 января, причем он, а вслед за ним и «Искра», решили этот вопрос отрицательно. Мартынов старался довести до абсурда взгляды революционных социал-демократов, *пугая* их тем, что в случае успешной работы над организацией революции, в случае руководства вооруженным народным восстанием со стороны нашей партии, нам *придется* участвовать во временном революционном правительстве. А такое участие есть недопустимый «захват власти», есть непозволительный, для классовой социал-демократической партии, «вульгарный жоресизм».

---

¹² См. настоящий том, стр. 1–19. *Ред.*

КАВКАЗСКІЙ СОЮЗЪ РОС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

Пролетарія всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Брошюры по партійнымъ вопросамъ № 2.

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТА-
ТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА.**

(Перепеч. изъ № 14 „Впередъ“).

Издание Союзнаго Комитета.

Типографія Сокза.

1905.

Обложка брошюры В. И. Ленина «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». – 1905 г.

Остановимся на рассуждениях сторонников этого взгляда. Находясь во временном правительстве, говорят нам, социал-демократия будет держать в руках власть; а социал-демократия, как партия пролетариата, не может держать в руках власть, не пытаясь осуществить нашей программы-максимум, т. е. не пытаясь осуществить социалистического переворота. А на таком предприятии она неизбежно в настоящее время потерпит поражение и только осрамит себя, только сыграет на руку реакции. Поэтому-де участие социал-демократии во временном революционном правительстве недопустимо.

Это рассуждение основано на смешении демократического и социалистического переворотов, – борьбы за республику (включая сюда и всю нашу программу-минимум) и борьбы за социализм. Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия действительно лишь осрамила бы себя. Именно против подобных смутных и неясных идей наших «социалистов-революционеров» и воевала, однако, всегда социал-демократия. Именно поэтому настаивала она всегда на буржуазном характере предстоящей России революции, именно поэтому строго требовала отделения демократической программы-минимум от социалистической программы-максимум. Забыть все это могут во время переворота отдельные социал-демократы, склонные пасовать перед стихийностью, но не партия в целом. Сторонники этого ошибочного мнения впадают в преклонение перед стихийностью, думая, что ход вещей заставит социал-демократию, в таком положении, взяться вопреки ее воле за осуществление социалистического переворота. Если бы это было так, тогда, значит, неверна была бы наша программа, тогда она не соответствовала бы «ходу вещей»: преклоняющиеся перед стихийностью люди как раз и боятся этого, боятся за верность нашей программы. Но их боязнь (психологическое объяснение которой мы старались наметить в наших фельетонах) неосновательна до последней степени. Наша программа верна. Именно ход вещей подтвердит ее непременно, и чем дальше, тем больше. Именно ход вещей «навяжет» нам безусловную необходимость отчаянной борьбы за республику, именно он практически направит как раз в эту сторону наши силы, силы политически-активного пролетариата. Именно ход вещей неизбежно навяжет нам при демократическом перевороте такую массу союзников из мелкой буржуазии и крестьянства, реальные потребности которых потребуют как раз проведения программы-минимум, что опасения слишком быстрого перехода к программе-максимум являются прямо смешными.

Но, с другой стороны, именно эти союзники из мелкобуржуазной демократии вызывают новые опасения среди социал-демократов известного направления, именно опасения насчет «вульгарного жоресизма». Участвовать в правительстве вместе с буржуазной демократией запрещено резолюцией Амстердамского конгресса^[12], это есть жоресизм, т. е. бессознательное предательство интересов пролетариата, превращение пролетариата в прихвостня буржуазии, развращение его мишурой власти, на деле безусловно недостижимой в буржуазном обществе.

Это рассуждение не менее ошибочно. Оно показывает, что авторы его выучили на память хорошие резолюции, но не поняли значения их; – зазубрили некоторые антижоресистские словечки, но не продумали их и применяют поэтому совсем некстати; – усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии. Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасти республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило, – что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью под влиянием, отчасти, как раз обилия мишурных парламентских упражнений его вожаков, – что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей

задачи социалистического переворота, от которого *отманивали* пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ.

Теперь возьмите Россию. Субъективно, такие революционные социал-демократы, как впередовцы или Парвус, хотят отстоять республику, вступая для этого в союз с революционной буржуазной демократией. Объективные условия отличаются от французских как небо от земли. Объективно, исторический ход вещей поставил теперь русский пролетариат как раз перед задачей демократического буржуазного переворота (все содержание которого мы обозначаем для краткости словом республика); перед этой же задачей стоит весь народ, т. е. вся масса мелкой буржуазии и крестьянства; без этого переворота немислимо сколько-нибудь широкое развитие самостоятельной классовой организации для социалистического переворота.

Представьте себе конкретно все различие объективных условий и скажите: что следует думать о людях, которые забывают это различие, увлекаясь сходством некоторых слов, подобием некоторых букв, одинаковостью субъективной мотивировки?

Так как Жорес во Франции преклонялся перед буржуазной социальной реформой, неправильно прикрывая себя субъективной целью борьбы за республику, то поэтому мы, русские социал-демократы, должны отказаться от серьезной борьбы за республику! Ведь к этому, именно к этому сводится премудрость новоискровцев.

В самом деле, не ясно ли, что борьба за республику немислива для пролетариата без союза его с мелкобуржуазной массой народа? Не ясно ли, что без революционной диктатуры пролетариата и крестьянства нет ни тени надежды на успех этой борьбы? Один из главных недостатков разбираемого взгляда состоит в его мертвенности, шаблонности, в том, что упускаются из виду условия революционного времени. Борьбаться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры это все равно, как если бы Ойяма решил бороться с Куропаткиным под Мукденом, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден. Ведь если мы, революционный народ, т. е. пролетариат и крестьянство, хотим «вместе бить» самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его! (Оговариваемся еще раз во избежание возможных недоразумений, что мы разумеем под республикой не только и даже не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум.) Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией – уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией – демократическая республика, наконец за пролетариатом – социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (напр., для Франции, с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, – для этого надо быть виртуозом филистерства. Если русское самодержавие не сумеет вывернуться даже теперь, отделавшись куцей конституцией, если оно будет не только поколеблено, а действительно *свергнуто*, тогда, очевидно, потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это «отстоять» и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства! Чем больше мы завоеваем теперь, чем энергичнее мы будем отстаивать завоеванное, тем меньше сможет отнять впоследствии неизбежная будущая реакция, тем короче будут эти интервалы реакции, тем легче будет задача для пролетарских борцов, идущих вслед за нами.

А тут являются люди, которые наперед хотят, до борьбы, отмерить точно аршином «по Иловайскому» скромненький кусочек будущих завоеваний, которые до падения самодержавия, даже еще до 9-го января вздумали страшить рабочий класс России пугалом ужасной революционной демократической диктатуры! И эти аршинники претендуют на название революционных социал-демократов...

Участвовать во временном правительстве вместе с буржуазной революционной демократией, – плачутся они, – да ведь это значит освящать буржуазный строй, освящать сохранение тюрем и полиции, безработицы и нищеты, собственности и проституции. Это довод, достойный либо анархистов, либо народников. Социал-демократия не отворачивается от борьбы за политическую свободу на том основании, что это есть буржуазная политическая свобода. Социал-демократия смотрит на «освящение» буржуазного строя с исторической точки зрения. Когда Фейербаха спросили, освящает ли он материализм Бюхнера, Фогта и Молешотта, он отвечал: я освящаю материализм в его отношении к прошлому, но не в его отношении к будущему. Вот точно так же и социал-демократия освящает буржуазный строй. Она никогда не боялась и никогда не побоится сказать, что освящает республикански-демократический буржуазный строй по сравнению с самодержавно-крепостническим буржуазным строем. Но она «освящает» буржуазную республику лишь как последнюю форму классового господства, освящает ее как наиболее удобную арену для борьбы пролетариата с буржуазией, освящает не за ее тюрьмы и полицию, собственность и проституцию, а для широкой и свободной борьбы против этих милых учреждений.

Конечно, мы далеки от мысли утверждать, что участие наше в революционном временном правительстве не влечет за собой для социал-демократии никаких опасностей. Нет и не может быть такой формы борьбы, такого политического положения, которое бы не влекло за собой опасностей. Если нет революционного классового инстинкта, если нет цельного мирозерцания, стоящего на уровне науки, если нет (не во гнев будь сказано товарищам-новоисковцам) царя в голове, – тогда опасно и участие в стачках – может повести к «экономизму», – и участие в парламентской борьбе – может кончиться парламентским кретинизмом^[13], – и поддержка земской либеральной демократии – может привести к «плану земской кампании». Тогда опасно даже читать по истории французской революции полезнейшие сочинения Жореса и Олара – может привести к брошюре Мартынова о двух диктатурах.

Разумеется, если бы социал-демократия хоть на минуту забыла о классовой особенности пролетариата от мелкой буржуазии, если бы она заключила не вовремя невыгодный для нас союз с той или иной не заслуживающей доверия интеллигентской мелкобуржуазной партией, если бы социал-демократия хоть на минуту упустила из виду свои самостоятельные цели и необходимость (при всех и всяких политических ситуациях и конъюнктурах, при всех и всяких политических поворотах и переворотах) ставить во главу угла развитие классового самосознания пролетариата и его самостоятельной политической организации, – тогда участие во временном революционном правительстве было бы крайне опасно. Но при этом условии, повторяем, и в такой же мере опасен любой политический шаг. До какой степени неосновательно приурочение этих возможных опасений к теперешней постановке ближайших задач революционной социал-демократией, это покажут всем самые простые справки. Не будем говорить о себе, не станем воспроизводить многочисленных заявлений, предостережений, указаний по рассматриваемому нами вопросу в газете «Вперед», – сошлемся на Парвуса. Высказываясь за участие социал-демократии во временном революционном правительстве, он со всей энергией подчеркивает условия, которых никогда не должны мы забывать: вместе бить, врозь идти, не смешивать организаций, смотреть за союзником, как за врагом, и т. д. Мы не останавливаемся подробнее на этой стороне дела, уже отмеченной в фельетоне.

Нет, действительная политическая опасность для социал-демократии лежит в настоящее время совсем не там, где ее ищут новоисковцы. Не мысль о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства должна страшить нас, а тот дух хвостизма и мертвенности¹³, который разлагающе действует на партию пролетариата, выражаясь во всевозможных

---

¹³ В рукописи: «... дух хвостизма, филистерства, буквоедства, шаблонности и мертвенности». Здесь и ниже, в подстрочных примечаниях, восстанавливаются по рукописи наиболее важные места, правленные для газеты М. С. Ольминским. *Ред.*

теориях организации-процесса, вооружения-процесса и т. п. Возьмите, например, новейшую попытку «Искры» провести различие между временным революционным правительством и революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Разве это не образец мертвенной схоластики? Люди, сочиняющие такие различия, способны нанизывать красивые слова, но совершенно неспособны думать. Отношение между указанными понятиями на самом деле приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит: «временное революционное правительство», тот подчеркивает государственно-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции, временный характер правительства, связанного будущим учредительным собранием. Но какова бы ни была форма, каково бы ни было происхождение, каковы бы ни были условия, ясно во всяком случае, что временное революционное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь, – чтобы видеть, что временное революционное правительство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства. Следовательно, различие, проводимое «Искрой», только тащит партию назад, к бесплодным словесным спорам, от задачи конкретного анализа классовых интересов в русской революции.

Или возьмите другое рассуждение «Искры». По поводу возгласа: да здравствует революционное временное правительство! она назидательно замечает: «сочетание слов «да здравствует» и «правительство» сквернит уста». Разве это не пустозвонная фраза?¹⁴ Они говорят о свержении самодержавия и в то же время боятся осквернить себя приветствием революционному правительству! Удивительно, право, что они не боятся осквернения от приветствия республике: ведь республика необходимо предполагает правительство, и ни один социал-демократ никогда не сомневался в том, что именно буржуазное правительство. Какая же разница между приветствованием временного революционного правительства и приветствованием демократической республики? Неужели социал-демократия, политическая руководительница самого революционного класса, должна уподобиться анемичной и истеричной старой деве, которая жеманно настаивает на необходимости фигового листка: приветствовать то, что подразумевает буржуазно-демократическое правительство, можно, но приветствовать прямо временное революционно-демократическое правительство нельзя?

Картина: петербургское рабочее восстание победило. Самодержавие свергнуто. Провозглашено временное революционное правительство. Вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство! В стороне стоят новоискровцы и, вознося горе свои целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца, изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов...

Нет и тысячу раз нет, товарищи! Не бойтесь осквернить себя самым энергичным, ни перед чем не останавливающимся участием вместе с революционной буржуазной демократией в республиканском перевороте. Не преувеличивайте опасностей этого участия, с которыми вполне может сладить наш организованный пролетариат. Месяцы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства сделают больше, чем десятилетия мирной, отупляющей атмосферы политического застоя. Если русский рабочий класс после 9-го января сумел в условиях политического рабства мобилизовать более миллиона пролетариев для коллективного, стойкого и выдержанного выступления, – то при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота.

¹⁴ В рукописи после слова «фраза» следует: «И разве одной ее недостаточно, чтобы констатировать некоторый процесс идейного гниения в некоторой части социал-демократов? Ведь это точка зрения не авангарда пролетариата, а хвоста его, это не политические руководители, а политические резонеры, это не революционеры, а филистеры». *Ред.*

«Вперед» М 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г.

Печатается по тексту газеты «Вперед», сверенному с рукописью

Французско-русские обычаи «Подмазывать»!

Под таким заглавием немецкая социал-демократическая газета «Vorwärts»^[14] поместила на днях чрезвычайно ценный документ: оригинал письма г-на Жюля Гуэна (Jules Guin), директора крупной машинной фабрики в Батиньоле (предместье Парижа), к чиновнику, служащему в одном из питерских министерств. Французская фабрика через посредство этого господина получила заказ на 114 локомотивов. Общая стоимость заказа (по 27 700 франков за локомотив) – 3 миллиона франков, т. е. около 1 200 000 рублей. За посредничество при доставке заказа благородный министерский чиновник (занимающий, вероятно, добавим от себя, довольно высокий пост) получает, как видно из письма, во-1-х, два процента с покупной цены. Это составляет около 25 000 рублей. Из письма (которого мы не приводим целиком по недостатку места) видно, что из этой суммы 13 000 франков уже получены посредником, остальное выплачивается в разные сроки. Кроме того, изменения в обычном типе локомотивов для русских дорог оплачиваются особо. Представитель парижской фирмы в Петербурге обязуется заранее сообщить этому чиновнику, как высока эта добавочная плата, требуемая фабрикой. Если же чиновник «выручит» с русского правительства цену выше той, которую назначила фабрика, то разница достается, согласно условию, тоже ему, как «посреднику». Это называется в немецком переводе французского письма *Vermittlungsgebühr*, «вознаграждение за посредничество». На деле же, разумеется, этим выражением прикрывается самое наглое мошенничество и казнокрадство, сообща по договору производимое французским капиталистом и русским министерским чиновником.

Справедливо говорит «Vorwärts», что это письмо проливает яркий свет на русскую продажность и на то, как заграничный капитал извлекает выгоды из этой продажности. Письмо документально доказывает, какова обычная практика «деловых» отношений в цивилизованных капиталистических нациях. И в Европе повсюду проделываются такие вещи, но нигде не проделываются они так бесстыдно, как в России, нигде нет такой «политической безопасности» (безопасность от обнаружения) для продажности, как в самодержавной России. Понятно, – заключают немецкие соц.-дем., – почему европейская промышленность заинтересована в сохранении русского самодержавия с его безответственными чиновниками, тайно обделяющими ловкие делишки! Понятно, почему русские чиновники руками и ногами отбиваются от конституции, грозящей публичным контролем над администрацией. Можно себе представить по этому примеру, какие денежки «зарабатывает» себе русская бюрократия на русско-японской войне, – какие суммы попали хотя бы при продаже немецких океанских пароходов России в карманы министерских чиновников в Питере! Народное бедствие – золотое дно для военных поставщиков и для продажных чиновников.

«Вперед» № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г.

Печатается по тексту газеты «Вперед», сверенному с рукописью

Примечание редакции «Вперед» к резолюции группы рабочих Санкт-Петербургского металлического завода^[15]

От редакции. Мы печатаем эту резолюцию товарищей рабочих как характерное проявление того настроения, которое при известных условиях может охватить значительную часть борющегося пролетариата¹⁵. Несомненно, что раскол партии, – особенно тайный раскол, – приносит неисчислимы беды рабочему движению. В России, как видно из вышеприведенной харьковской резолюции^[16], есть меньшевики, гораздо добросовестнее относящиеся к партийному долгу, чем заграничники. Это же доказывает и новая декларация ЦК совместно с Бюро Комитетов Большинства^[17]. Пожелаем еще раз успеха последней попытке объединения.

«Вперед» № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г.

Печатается по тексту газеты «Вперед», сверенному с рукописью

---

¹⁵ Первая фраза написана М. С. Ольминским. *Ред.*

С больной головы на здоровую¹⁶

В № 92 «Искры» помещена статья «Зигзаги твердого курса», стремящаяся доказать, что «Вперед» на самом деле вовсе не держится твердо и неуклонно принципов и линии старой «Искры»^[18], а, напротив, зигзагом идет по следам новой «Искры». По существу, это утверждение настолько забавно, что серьезно на нем не стоило бы и останавливаться. Характерно тут не содержание новоискровской полемики, ибо она именно лишена содержания, а ее приемы. На приемах этих остановиться стоит; разбор их показывает нам, что есть полемика и полемика. За полемику старой «Искры» не любили, но ни один человек и не помышлял никогда о том, чтобы объявить эту полемику непринципиальной. За полемику новую «Искру» презирают, потому что и масса практиков-работников и последовательные рабочедельцы и «примиренцы» с Плехановым во главе видят непринципиальный характер полемики.

Какими приемами оперирует такая полемика, мы и намерены показать читателю.

Пойдем шаг за шагом вслед за «Искрой». «Вперед» толкает партию к расколу, – говорит она. Это неправда. Все, кто изучал партийный кризис не по рассказам, а по до-го кументам, знают, что именно меньшинство сейчас же после второго съезда^[19] расколело партию, но тайно, создав тайную организацию. Говоря теперь неправду, «Искра» лицемерит. За явный раскол можно ненавидеть, за тайный нельзя не презирать. «Вперед» не хочет тайного раскола, вот и все.

Далее, нас хотят изобличить в противоречии по вопросу об автономизме и централизме. Ленин-де в «Шагах»¹⁷ уверял, что автономизм есть принцип оппортунизма, а теперь само Бюро Комитетов Большинства стоит за возможно широкую автономию местных комитетов. Ленин уверял, что бюрократизм по отношению к демократизму есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов, а БКБ само говорит о бюрократизме. Таково содержание обвинения против нас. Оно опять построено на прямой неправде. Ленин в «Шагах» (и до «Шагов» в «Письме в редакцию «Искры»»¹⁸) десятки и сотни раз оговаривался, заявлял, напоминал и подчеркивал, что фразы против бюрократизма, за автономизм и пр. крайне неопределенны, имеют самый разнообразный, по произволу меняемый смысл. По существу дела, сотни раз говорил Ленин, этими фразами прикрывается исключительно желание кооптации. Эти слова Ленина подтвердились теперь целиком и документальнейшим образом. Если же согласиться брать эти слова принципиально, – говорил Ленин (*если согласиться!*), – тогда мы увидим следующее. Бюрократизм, вообще взятый, может означать канцелярщину, волокиту, бумажность, отписки. Такой бюрократизм нехорош, говорил Ленин и иллюстрировал свои слова на известном проекте устава Мартова. Для сколько-нибудь добросовестного читателя ясно, что БКБ говорит о таком бюрократизме, и обвинение «Вперед» в противоречии оказывается ребячеством. Бюрократизм может значить нарушение законных и, если позволительно так выразиться, «естественных» прав всякой оппозиции, борьбу с меньшинством неправильными средствами. Такой бюрократизм возможен, говорил Ленин, но в нем нет ничего принципиального. Борьба с ним следует, бороться выработкой конституционных гарантий прав меньшинства. Такие гарантии ясно, прямо и открыто предложили впервые твердокаменные или, по-нынешнему, впередовцы в известной декларации 22-х^[20], которая вышла в августе, 7 месяцев тому назад, не вызвав с тех пор ни малейшей попытки новоискровцев недвусмысленно определить свое отношение к этой декларации.

¹⁶ Опоздало по недостатку места.

¹⁷ См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 185–414. *Ред.*

¹⁸ Там же, стр. 98–104. *Ред.*

Но кроме этих пониманий бюрократизма, антиавтономизма и пр. возможно действительно принципиальное понимание их, не как отдельных неправильностей, крайностей и пр., а как общих принципов всей организации. Такое понимание навязывали нам меньшевики, вопреки нашей воле, вопреки нашему сопротивлению. Ленин и в «Письме в ред. «Искры»» и в «Шагах» сотни раз предостерегал против такого понимания, затемняющего конкретный и фактический ход кризиса и раскола. Ленин прямо призывал в «Письме в ред. «Искры»»: бросьте вздор, господа, тут на $\frac{9}{10}$ дрязги! На Ленина обрушились за это, и ЦО стал доказывать, что есть принципы. Ну, если так, тогда *принцип* автономизма есть действительно оппортунистический принцип соц.-дем. организации, отвечал Ленин и ответят всегда впередовцы. Если так, тогда ваши крики против бюрократизма принципиально вполне однородны с криками жоресистов во Франции, бернштейнианцев в Германии, реформистов в Италии. Вот как обстоит дело; чтобы убедиться в этом, стоит лишь по документам, а не по приятельским уверениям, изучать партийный кризис. Ленин еще на II съезде говорил бундовцу Либеру (смотри протоколы), что против мелочного централизма он будет защищать автономию «какого-нибудь» Тульского комитета¹⁹; Ленин ни звуком не возражал против обеспечения этой автономии в § 8 нашего партийного устава. Но *принципа* автономизма никогда не защищал ни Ленин, ни БКБ; его защищали Акимов, Либер, новоискровцы. Перед несведущим читателем нетрудно, конечно, запутать дело, выхватывая из разных мест сказанные при совершенно разных условиях, имеющие совершенно разный смысл словечки, – но к газетам, которые полемизируют путем таких выхватываний, относятся как к «Новому Времени»^[21].

Возьмите брошюру «Рабочего». В чем суть дела, запутываемая «Искрой»? В том, что беспринципные люди нарвались с своими криками о принципе автономизма и т. п., ибо ответом могло быть исключительно требование выборного начала. Тогда нарвавшиеся люди забили отбой. Впередовцы же говорили и говорят: щеголять фразами и «принципами» автономизма, демократизма неприлично, а если нужны серьезные, деловые изменения устава в духе возможного при русских условиях демократизма, то давайте прямо и открыто обсуждать их. «Вперед» сделал вызов «Рабочему»: укажите хоть одно место в соц.-дем. литературе, где бы так же ясно говорилось о необходимости принимать рабочих в комитеты партии, как у Ленина²⁰. «Рабочий», сбитый с толку новоискровцами, ответил печатно, что принимает вызов; но оказалось, что он не понимает, что значит принять вызов, ибо никакого другого места он нигде не показал, а только погрозился «задать» Ленину или «расправиться» с ним. Естественно, что «Вперед» не отвечал на эти страшные угрозы.

Возьмите далее вопрос об одном центре. Ленин-де в «Шагах» говорил, что за один центр стояли оппортунисты, а теперь за один центр БКБ. Опять та же грубая передержка, рассчитанная на несведущего или невнимательного читателя. Кто захочет прочесть «Шаги», тот увидит (на стр. 28-ой, заботливо обходимой фельетонистом «Искры»), что Ленин еще задолго до первой статьи большевика против двух центров (статья Рядового в «Наших недоразумениях») писал, что идея двух центров «усчитывала временные (слушайте!) и особые нужды именно русского соц.-дем. рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания первоначальной операционной базы революционного натиска за границей». «Первая идея, – говорится в «Шагах» тотчас же про идею централизма вообще, – как единственно (слушайте!) принципиальная, должна была (по плану старой «Искры») проникать собой весь устав; вторая, как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в кажущемся отступлении от централизма, в создании двух центров» (с. 28)²¹. Предоставляем теперь читателю судить о приемах полемики нашего партийного «Нового Времени»!

¹⁹ См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 267–268. *Ред.*

²⁰ См. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 163. *Ред.*

²¹ См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 225–226. *Ред.*

«Искра» просто пытается обмануть читателя, скрыв от него 1) что Ленин давно указывал временное, *частное* значение идеи двух центров; 2) что поэтому отстаивание одного центра оппортунистами Ленин никогда не объяснял общими принципами, а исключительно «временными обстоятельствами места и образа действия», такими обстоятельствами, когда *фактически* стояло и должно было стоять за один центр оппортунистическое крыло партии. Что старая «Искра» была оплотом борьбы с оппортунизмом, это факт. Что на съезде именно оппортунистическое крыло составило меньшинство, это тоже факт. Что же удивительного, что теперь, когда новая «Искра» оказалась оппортунистической, когда Россия проявила больше принципиальной устойчивости и партийной выдержанности, чем за граница, что теперь «временные обстоятельства» изменились? Нас бы теперь нисколько не поразило, если бы рабочедельцы, Мартынов, «болото» и новоискровцы встали (к примеру скажем, на третьем съезде) за два центра, а все большевики (или почти все) – за один центр. Это было бы только изменением, сообразно «временным обстоятельствам», способов борьбы за те же самые принципы революционной социал-демократии, принципы старой «Искры», за которые Ленин и большевики неуклонно боролись и борются. Усматривать в таком повороте «чудеса» могут только люди нововременского типа. (Мы сказали, что за один центр могут быть почти все большевики. Как это будет на III съезде, мы еще увидим. Среди нас есть разные мнения о значении «временных обстоятельств места и образа действия», и мы все эти мнения сопоставим и «подытожим» на съезде.)

Кажется, приемы полемики новой «Искры» выясняются из предыдущего достаточно, и мы можем быть теперь более краткими. «Искра» говорит, что БКБ нарушило партийную дисциплину, созывая съезд вопреки уставу, помимо Совета^[22]. Это неправда, ибо Совет гораздо раньше нарушил устав, уклоняясь от съезда. Мы это давно и открыто изложили в печати (Орловский)^[23]. После того, как меньшевики тайным расколом разорвали партию и обманами уклонились от съезда, нам никакого другого практического выхода из нелепого положения не было, кроме съезда, вопреки воле центров. «Искра» говорит, что передовица № 9 «Вперед» – «Новые задачи и новые силы»²², настаивая на необходимости расширить весьма значительно число разнообразнейших партийных организаций, противоречит идее ленинского параграфа первого устава, ибо Ленин, защищая свою идею на съезде, говорил о необходимости сузить понятие партии. Это возражение «Искры» можно рекомендовать, как гимназическую задачу логики для обучения молодежи разбираться в полемике. Большевики говорили и говорят, что надо суживать партию до суммы, или комплекса, партийных организаций и затем увеличивать число этих организаций (см. протоколы съезда и «Шаги», стр. 40 и др., особ. 40–41 и 46)²³. Новая «Искра» смешивает расширение *рамок* партии с расширением *понятия* партии, расширение *числа партийных организаций* с расширением партии *за пределы партийных организаций!* Чтобы пояснить эту головоломнейшую штуку, приведем примерчик не из мудреных: допустим для простоты, что вся армия состоит исключительно из людей одного рода оружия; состав армии надо сузить до суммы лиц, действительно, по проверке, умеющих стрелять, не позволяя отделяться фразами и уверениями в своей военной годности; затем надо всячески стараться расширить число людей, способных выдержать проверку в умении стрелять. Не начинаете ли вы теперь понимать немножечко, в чем дело, господа новоискровцы?

«Искра» пишет, изобличая «Вперед»: «Раньше требовались только выдержанные социал-демократы, которые должны быть признаны, как таковые, теперь в святая святых допускаются все элементы, кроме сознательно несоциал-демократических». Возьмите № 9 «Вперед» и читайте: «Пусть все... кружки, кроме сознательно несоциал-демократических, либо прямо входят в партию, либо *примыкают к партии* (курсив автора). В последнем случае нельзя

²² См. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 294–306. *Ред.*

²³ См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 242–245 и стр. 250–251. *Ред.*

требовать ни принятия нашей программы, ни обязательных организационных отношений с нами...»²⁴. Неужели не ясно, что «Искра» совершает прямую передержку, смешивая то, что «раньше требовалось» для включения в партию, с тем, что «теперь допускается» для группы, примыкающей к партии? Большевики и раньше говорили и теперь во «Вперед» говорят, что самозачисление в партию есть интеллигентский анархизм, что члены партии должны признавать не на словах только «обязательные организационные отношения». Не понять этого может только тот, кто задается целью внесения путаницы. Лозунг «Вперед» был: для новых задач организуйте новые силы в партийные организации или, по крайней мере, в организации, примыкающие к партии. Лозунг «Искры» – «шире двери». Одни говорят: берите новых стрелков в свои полки, организуйте учащих стрелять в подсобные отряды. Другие говорят: шире двери! пусть зачисляет сам себя в армию, кто как пожелает!

По вопросу об организации революции и организации вооружения «Искра» хочет уверить теперь, что у нее со «Вперед» нет разногласий. Мы спросим прежде всего: а как же Парвус? Если злодейский «Вперед» придумал разногласия, тогда почему вы не объяснитесь начистоту с новоискровцем Парвусом, которого нельзя заподозрить в придиричivosti к «Искре»? Ведь вы же сами первые должны были признать ваше несогласие с Парвусом? К чему же эта игра в прятки? По существу дела, новая «Искра» возражает тут «Вперед» совершенно так же, как «Рабочее Дело» возражало старой «Искре». Нельзя достаточно рекомендовать товарищам, интересующимся историей *своей* партии, перечитывать «Раб. Дело», особенно № 10. «Раб. Делу» показывали, что оно принижает задачи политической борьбы. Оно возражало: а «Искра» недостаточно оценивает экономическую борьбу. Новой «Искре» показывают, что она принижает задачи организовать революцию, проводить восстание, вооружать рабочих, задачи участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Новая «Искра» возражает: а «Вперед» недостаточно оценивает стихийность революции и восстания, преобладание политики над «техникой» (вооружение). Однородная хвостистская позиция приводит к однородным доводам. Свое неумение дать руководящий лозунг по вопросу о новых задачах люди прикрывают резонерством о том, что сугубо важны старые задачи. Выхватываются отдельные словечки, чтобы показать, как сам оппонент ценит значение старых задач, значение азбуки социал-демократии. Конечно, товарищи²⁵ новоискровцы, мы очень ценим азбуку социал-демократии, но *мы не хотим оставаться вечно на одной азбуке*. Вот и все. Ни Парвус, ни БКБ, ни «Вперед» никогда не вздумали бы спорить против той азбуки, что рабочие сами могут, будут и должны вооружаться, помимо организаций и партии. Но если «Искра» выдвигает, *как лозунг*, свое знаменитое «самовооружение», – тогда, разумеется, все улыбаются, видя такое раболепство перед стихийностью. Если «Искра», *поправляя* Парвуса, открывает новую, достойную глубокомысленнейших произведений Кричевского и Акимова, задачу «вооружать рабочих жгучей потребностью самовооружения», – тогда естественно, что она встречает только насмешку. Если «Искра» в такой момент, когда к старым задачам социал-демократии прибавились новые задачи вооружения масс, уличной борьбы и т. д., поспешно бросается принижать эти задачи (к осуществлению которых едва-едва приступлено) пренебрежительными мудрствованиями насчет «техники» и ее второстепенной роли, – если, вместо *дополнения*

²⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 305. *Ред.*

²⁵ В рукописи вместо «товарищи» – «господа». *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Статья «Социал-демократия и временное революционное правительство» написана Лениным в конце марта 1905 года, когда подъем революционного движения вызвал оживленное обсуждение в среде социал-демократов одного из насущных вопросов революции – о временном революционном правительстве и участии в нем социал-демократии. В этой статье Ленин подвергает критике позицию меньшевиков, выступавших против участия социал-демократии во временном революционном правительстве.

2.

Рабочедельцы – сторонники «экономизма», группировавшиеся вокруг журнала «Рабочее Дело», органа «Союза русских социал-демократов за границей». Журнал выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Ф. Теплова (Сибиряка), В. П. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова. Вышло 12 номеров (девять книг). «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, стояло на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии. Рабочедельцы пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, преклонялись перед стихийностью рабочего движения и отрицали руководящую роль партии.

3.

«Освобождение» – двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 года по 5 (18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года конституционно-демократической партии (кадетов) – главной буржуазной партии в России.

4.

Имеется в виду меньшевистская «Искра». На II съезде партии была утверждена редакция Центрального Органа партии в составе В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и Л. Мартова. Однако меньшевик Мартов, вопреки решению съезда, отказался войти в редакцию без старых редакторов-меньшевиков (П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова и В. И. Засулич), не избранных II съездом, и №№ 46–51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов перешел на позиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции отвергнутых съездом старых редакторов-меньшевиков. В. И. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 года вышел из редакции «Искры»; он был кооптирован в ЦК и оттуда повел борьбу с оппортунистами-меньшевиками. Номер 52 «Искры» вышел под редакцией одного Плеханова, а 13 (26) ноября 1903 года Плеханов единолично, нарушив волю II съезда партии, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков Аксельрода, Потресова и Засулич. С пятидесят второго номера «Искра» перестала быть боевым органом революционного марксизма. Меньшевики превратили ее в орган борьбы против марксизма, против партии, в трибуну для проповеди оппортунизма. Сами меньшевики признавали, что «между старой и новой «Искрой» легла пропасть». Новая, меньшевистская «Искра» подрывала основы партийности: требование обязательности выполнения партийных решений объявлялось «бюрократизмом» и «формализмом», подчинение меньшинства большинству рассматривалось как «грубо механическое» подавление воли и свободы члена партии, партийная дисциплина третировалась как «крепостное право». Меньшевики тащили

партию назад, к организационной раздробленности и распущенности, к кружковщине и кустарничеству.

5.

Жирондисты и якобинцы – название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Жирондисты, выражавшие интересы умеренной буржуазии, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией. Якобинцами называли наиболее решительных представителей буржуазии, революционных демократов, последовательно отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Якобинцы возглавили народное восстание 31 мая – 2 июня 1793 года, свергнувшие власть жиронды и приведшее к установлению якобинской диктатуры.

6.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 433).

7.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 422–423.

8.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 423.

9.

Социалисты-революционеры (эсеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров» и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900–1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901–1905). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и мелким собственником, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 283). Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

10.

К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 209).

11.

«Сизифова работа» – синоним тяжелого, утомительного, но бесплодного труда; возник из мифа о древнегреческом царе Сизифе. За проступки перед богами, как рассказывается в легенде, Сизиф был жестоко наказан: он должен был вечно вкатывать на высокую гору громадный камень, который, не достигнув вершины, вырывался из его рук и скатывался вниз. Сизиф должен был начинать все сначала, но никогда не мог достигнуть цели – вершины горы.

12.

Амстердамский конгресс – Международный социалистический конгресс II Интернационала в Амстердаме происходил с 14 по 20 августа (н. ст.) 1904 года. Конгрессом были рассмотрены следующие вопросы: 1) международные правила социалистической тактики; 2) колониальная политика; 3) всеобщая стачка; 4) социальная политика и страхование рабочих; 5) тресты и безработица и другие.

13.

Выражение «парламентский кретинизм», неоднократно встречающееся у В. И. Ленина, употреблялось К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как писал Ф. Энгельс, «парламентский кретинизм» – это неизлечимая болезнь, недуг, «несчастные жертвы которого проникаются торжественным убеждением, будто весь мир, его история и его будущее направляются и определяются большинством голосов именно того представительного учреждения, которое удостоилось чести иметь их в качестве своих членов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 92).

14.

«Vorwärts» («Вперед») – ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократической партии; выходила в Берлине с 1891 года по постановлению Галльского съезда партии как продолжение издававшейся с 1884 года газеты «Berliner Volksblatt» («Берлинская Народная Газета») под названием «Vorwärts. Berliner Volksblatt». На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов. Тенденциозно освещая борьбу против оппортунизма и ревизионизма в РСДРП, «Vorwärts» поддерживал «экономистов», а затем, после раскола партии, – меньшевиков. В годы реакции «Vorwärts» печатал клеветнические статьи Троцкого, не давая Ленину, большевикам выступать с опровержениями и объективной оценкой положения дел в партии. В период первой мировой войны «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма; после Великой Октябрьской социалистической революции вел антисоветскую пропаганду. Выходил в Берлине до 1933 года.

15.

Это примечание написано к резолюции группы рабочих Санкт-Петербургского металлического завода. В этой резолюции, опубликованной в газете «Вперед» № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 года, рабочие осуждали раскол в партии и требовали немедленного объединения.

16.

Имеются в виду опубликованные в № 14 газеты «Вперед» резолюции меньшевистского харьковского комитета о выборе делегата на III съезд РСДРП и харьковской большевистской группы о необходимости объединения партии «на почве единой строго принципиальной тактики и централизованной организации».

17.

Речь идет о соглашении между Бюро Комитетов Большинства и Центральным Комитетом РСДРП по вопросу о созыве III съезда партии. Основы этого соглашения были изложены в воззвании «К партии» от имени ЦК и БКБ от 12 (25) марта 1905 года, напечатанном в № 13 газеты «Вперед» от 5 апреля (23 марта) 1905 года в статье В. И. Ленина «Второй шаг». В соглашении указывалось, что «дальнейшая работа по созыву съезда выполняется совместно БКБ и ЦК, которые образуют Организационный комитет». Оценку соглашения Ленин дал

в статьях «Второй шаг» (см. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 367–371) и «Изобличенный Совет» (см. настоящий том, стр. 61–66).

18.

«Искра» – первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.

19.

Второй съезд РСДРП состоялся 17 (30) июля – 10 (23) августа 1903 года. Первые 13 заседаний съезда происходили в Брюсселе. Затем из-за преследований полиции заседания съезда были перенесены в Лондон.

20.

«Декларация 22-х» – обращение «К партии», написанное Лениным и принятое на совещании большевиков в первой половине августа 1904 года в Женеве (см. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 13–21). На совещании присутствовало 19 человек – В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. С. Ольминский, М. Н. Лядов, П. Н. Лепешинский и другие. К решениям совещания вскоре присоединились еще 3 большевика, и обращение «К партии» вышло от имени 22-х большевиков. Декларация 22-х, опубликованная в августе 1904 года отдельным листком, стала для большевиков программой борьбы за созыв III съезда партии.

21.

«Новое Время» – ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, газета, после того как ее издателем в 1876 году стал А. С. Суворин, превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года – орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции газета полностью поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. ««Нововременство» стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 251).

22.

Совет партии (1903–1905) был создан согласно уставу партии, принятому на II съезде РСДРП, как высшее партийное учреждение, призванное согласовывать и объединять деятельность ЦК и редакции ЦО, восстанавливать ЦК и редакцию ЦО в случае, если выбывает весь состав одного из этих учреждений, а также представлять партию в сношениях с другими партиями. Совет обязан был созывать партийные съезды в установленный уставом срок или досрочно по требованию партийных организаций, имеющих вместе право на половину голосов на съезде. Совет партии состоял из пяти членов, один из которых назначался съездом партии, а четыре – Центральным Комитетом и редакцией Центрального Органа, посылавшими в Совет по два члена. II съезд РСДРП избрал пятым членом Совета Г. В. Плеханова. В. И. Ленин первоначально входил в Совет от редакции ЦО, а после выхода из редакции «Искры» – от ЦК. После поворота Плеханова в сторону оппортунизма и захвата меньшевиками редакции ЦО Совет партии стал орудием борьбы меньшевиков против большевиков. В. И. Ленин последовательно боролся в Совете за сплочение партии, разоблачая дезорганизаторскую,

раскольническую деятельность меньшевиков. По уставу, принятому III съездом РСДРП, Совет партии был упразднен. Начиная с III съезда единственным руководящим центром партии в периоды между съездами стал Центральный Комитет, назначающий и редакцию ЦО.

23.

Имеется в виду брошюра Орловского (В. В. Воровского) «Совет против партии», изданная в Женеве в 1904 году.

156.

№ 93 меньшевистской «Искры» вышел 17 марта 1905 года. В нем помещена статья Л. Мартова «На очереди. Рабочая партия и «захват власти», как наша ближайшая задача». Эту статью Ленин критикует в работе «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» и в докладе на III съезде РСДРП об участии социал-демократии во временном революционном правительстве (см. настоящий том, стр. 20–31, 126–141).